

Ирин КаХр

**Градиент
ЭМОЦИЙ**

Цвета чувств

Ирин КаХр

Градиент эмоций

«Автор»

2026

КаХр И.

Градиент эмоций / И. КаХр — «Автор», 2026 — (Цвета чувств)

Художница Юна на грани краха: мастерскую вот-вот снесут, денег нет даже на еду. Владелец галерей Максим предлагает сделку — портреты его партнёров в обмен на аренду. Но когда у Юны крадут ноутбук с эскизами для гранта, их «деловое» соглашение перерастает в нечто большее. Конкурент Максима подбрасывает скандал, обвиняя Юну в плагиате. Чтобы спасти её имя и любовь, Максим рискует всем — и устраивает уличный флешмоб, который заставляет город поверить в правду. История о том, как одно пятно краски меняет жизнь, а искусство оказывается сильнее любой подставы.
{Отредактировано с помощью ИИ}

Содержание

ГЛАВА 1. Цвет настроения — терракотовый	5
ГЛАВА 2. Человек в сером	10
ГЛАВА 3. Первый сеанс	14
ГЛАВА 4. Пустота внутри	17
ГЛАВА 5. Точка невозврата	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ирин КаХр

Градиент эмоций

ГЛАВА 1. Цвет настроения — терракотовый

Мастерская пахла льняным маслом, пылью и той особенной свободой, которая встречается только у людей, которым нечего терять. Юна-Юнона Вьюжина сидела на корточках посреди этого творческого хаоса, обхватив колени руками, и пыталась вспомнить, когда ела в последний раз. Желудок давно перестал подавать сигналы — только тянущая, ноющая пустота, которая делала мысли вязкими, а движения — медленными.

Вчера? Позавчера? В голове стояла пустота, как в холодильнике, который гудел в углу уже вторую неделю, переваривая только воспоминания о еде. Юна заглянула под верстак, где в коробке из-под кистей хранились стратегические запасы. Пусто. Даже гречка кончилась. Она провела пальцем по дну коробки, подушечка нащупала только крошки и сухую краску.

— Ну и кто ты после этого? — спросила она у холста, на котором красновато-терракотовые пятна спорили с глубоким ультрамарином. — Гениальная художница, которая скоро сдохнет с голоду. Красивая смерть. В раме.

Холст молчал. Он вообще последнее время вёл себя как нашкодивший кот — отводил взгляд и делал вид, что это не он, а кто-то другой виноват в творческом ступоре и отсутствии денег. Юна встала, потянулась — спина затекла, шея хрустнула. В мастерской царил привычный беспорядок: холсты прислонены к стенам, тюбики разбросаны по верстаку, кисти в банке с мутной водой напоминали засохший букет. Пахло скипидаром, маслом и ещё чем-то горьковатым — может, плесенью из углов, а может, просто безнадёгой.

Она вздохнула и перевела взгляд на окно. Там, за мутным стеклом, жизнь шла своим чередом: редкие прохожие, вечно спешащие куда-то, пара собак, выясняющих отношения у покосившегося забора, и солнце, которое нагло светило всем, кроме неё. Двадцать шесть лет, а в активе — только стены этой бывшей мастерской при комбинате, пара непроданных картин на онлайн-площадке и пустой желудок. Где-то за крышами тянуло холодом — конец марта, а тепло всё никак не устанавливалось, и ветер задувал в щели, заставляя ёжиться даже в свитере.

Она машинально перевела взгляд на ноутбук, раскрытый на верстаке. Экран тускло светился, и на нём застыл последний эскиз для гранта — «Тревога». Чёрные линии на тёмно-синем фоне, хаос, и в самом центре — жёлтый проблеск, который она никак не могла довести до ума. Через две недели дедлайн подачи заявок на «Новые голоса». Две недели, чтобы доделать семь эскизов, написать концепцию, оформить портфолио. Две недели, чтобы изменить всё.

Юна подошла к ноутбуку, коснулась пальцами клавиатуры. Пластик нагрелся от долгой работы, вентилятор тихо гудел. Она пролистала эскизы — «Тревога», «Надежда» (ещё сырая, только набросок), «Гнев» (слишком ярко, слишком крикливо), остальные — пустые файлы с названиями. Мысли о гранте возвращались снова и снова, как мухи, которых отгоняешь, но они садятся обратно. Она знала о «Новых голосах» всё. Изучила положение до дыр. Знала, что спонсоры — несколько организаций, включая сеть галерей «Арт-Холл». Знала, что у каждого спонсора есть голос в совете, и что победители получают не только деньги, но и возможность выставки в этих самых галереях, менторскую поддержку, признание. Для неё это был не просто конкурс — это шанс вернуться к матери не с пустыми руками. Доказать, что она не зря ушла из дома, не зря терпела голод, не зря жила в этом холодном цехе.

— Эх, ты, Юнона, — передразнила она саму себя, вспоминая, как мама называла её полным именем, когда сердилась. — Юнона — это же надо было так назвать. Как цирковую лошадь. Голодную цирковую лошадь.

Она уже собралась лезть под верстак в надежде найти завалившийся сухарь, как в дверь постучали. Не вежливо, а так, словно хотели выбить её вместе с косяком. Звук разнёсся по мастерской, ударил в стены, заставил вздрогнуть.

— Вьюжина? Откройте, это служба аренды! И не делайте вид, что вас нет, мы знаем, что вы там!

Юна замерла. Сердце сделало кульбит и ухнуло куда-то в район пустого желудка. Служба аренды. Эти ребята приходили уже три раза за последний месяц, и каждый раз она делала вид, что её нет. Но сегодня, судя по настойчивости, просто так не отвяжутся. Голос за дверью звучал раздражённо, с нотками усталости — как у человека, который выполнил свою работу, а его игнорируют.

Она медленно поднялась, вытирая испачканные в охре руки о джинсы, и побрела к двери. В голове лихорадочно проносились варианты: притвориться умирающей, сказать, что она здесь только убирается, или просто послать всех куда подальше и надеяться на чудо. Ноги ступали по скрипучим половицам, и каждый шаг отдавался в висках глухим стуком.

Юна открыла дверь и замерла.

На пороге стоял управляющий — дядька в засаленном пиджаке, с мятым лицом и вечно испуганными глазами. Она видела его уже сто раз. Но рядом с ним... Рядом с ним стоял мужчина. Высокий, подтянутый, в идеально сидящем тёмно-сером костюме, который стоил, наверное, как годовая аренда всей этой мастерской. Короткие тёмно-русые волосы, сдержанное выражение лица, дорогие часы на запястье — весь его облик кричал о статусе и принадлежности к миру, где не бывает проблем с едой. От него пахло дорогим парфюмом — древесными нотками и чем-то цитрусовым, свежим, таким, что в мастерской этот запах казался чужим, почти оскорбительным.

— Юна Вьюжина? — спросил мужчина, даже не взглянув на неё толком. Он смотрел поверх её головы, в глубь мастерской, и его взгляд цеплялся за беспорядок, заваленный верстак, картины, прислонённые к стенам. — Я Максим Давыдов. Собственник этого здания.

Управляющий тут же затараторил, как заведённый:

— Я ей письма слал, уведомления, три раза приходил — всё без толку! Она не открывает, на звонки не отвечает, я уже и не знал, что делать, вот и пришлось вас беспокоить, Максим Сергеевич...

— Хватит, — оборвал его Максим и наконец посмотрел на Юну.

Юна успела заметить, что он смотрит не как на проблему, а как на человека, которого давно хотел увидеть. Но тут же отогнала эту мысль — мало ли что ей показалось от голода и усталости. В его взгляде читалось что-то изучающее, почти профессиональное — как у человека, который привык оценивать и принимать решения.

— Вы зачем игнорируете официальные уведомления? — спросил он. Спокойно, деловито, без лишних эмоций.

Юна открыла рот, потом закрыла. Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт. Она думала, что если не открывать, то всё рассосётся само собой. Наивная.

— Я... — начала она, но горло перехватило.

— Здание идёт под снос, — продолжил Максим, не дожидаясь ответа. — Здесь будет жилой комплекс. Вам нужно освободить помещение до пятнадцатого числа следующего месяца. Это не обсуждается.

— До пятнадцатого? — выдохнула Юна. — Но... это же всего три недели!

— Три недели, — кивнул он. — Более чем достаточно, чтобы собрать вещи и найти новое место. У вас была возможность решить всё мирно, но вы предпочли прятаться. Поэтому я здесь. Лично.

У Юны перехватило дыхание. Три недели. Три недели, чтобы найти новую мастерскую в городе, где цены на аренду взлетели до небес. Три недели, чтобы придумать, где взять деньги. Три недели — и она на улице. Со своими холстами, красками и пустым желудком. Внутри поднималась паника, липкая и холодная, как зимняя вода.

— Но у меня договор! — выпалила она в отчаянии. — Я здесь три года, я всегда платила, ну, почти всегда...

— Договор аренды предусматривает возможность расторжения при сносе здания, — Максим говорил так, словно зачитывал юридическую справку. — Вам выплатят компенсацию. Небольшую, но на первый взнос за новое место хватит. Если, конечно, вы не будете её игнорировать, как мои письма.

Юна почувствовала, как внутри закипает злость. Этот человек в дорогом костюме стоял здесь и рассуждал о её жизни, как о досадной помехе в бизнес-плане. А она даже поесть себе не может позволить уже вторые сутки. Голод делал её раздражительной, а его спокойствие — бесило.

— Компенсацию? — переспросила она, и голос её дрогнул. — Да вы хоть представляете, сколько сейчас стоит аренда? Да я еле-еле за эту платила, а теперь вы хотите, чтобы я нашла новое место с вашей «компенсацией», которой хватит разве что на месяц?

Она не договорила. Резко развернулась и, не в силах сдерживать эмоции, махнула рукой, словно отгоняя наваждение. Но вместе с жестом в воздух взметнулась кисть, которую она всё ещё сжимала в пальцах. Тяжёлая капля терракотовой краски сорвалась с ворса и, описав замысловатую дугу, приземлилась точно на белоснежный рукав пиджака Максима.

Повисла тишина. Такая густая, что её можно было резать мастихином.

Управляющий издал придушенный звук и схватился за сердце. Максим медленно опустил взгляд на рукав, где яркое пятно расползлось, въедаясь в дорогую ткань. Краска блестела на свету, медленно впитываясь в волокна, и это зрелище завораживало. Юна застыла, глядя на это пятно с ужасом и каким-то диким, нелепым удовлетворением.

— Это... — начала она, но голос сорвался.

Максим поднял на неё глаза. Впервые за весь разговор он посмотрел на неё по-настоящему. И в этом взгляде не оказалось злости — скорее ледяное недоумение пополам с любопытством. Как у человека, который только что получил ответ на давно мучивший его вопрос.

— Вы в курсе, — спокойно произнёс он, — что эта краска не отстирывается?

Юна судорожно сглотнула. Хотелось провалиться сквозь пол, но бетонные плиты надёжно держали.

— Я... я заплачу за химчистку, — выдавила она, прекрасно понимая, что это ложь.

— Пиджак стоит двести тысяч, — так же ровно сообщил Максим. — А химчистка, даже если бы она помогла, — пять тысяч. Но она не поможет. Так что вопрос не в химчистке.

У Юны отвисла челюсть. Двести тысяч! Она за год столько не зарабатывает, продавая свои абстракции по пять-десять тысяч за штуку, да и то не каждый месяц. А в последние два месяца не продала вообще ничего.

— Вы шутите? — прошептала она.

— Я никогда не шучу по поводу денег.

Управляющий наконец обрёл дар речи и запричитал:

— Юнона, ну как же вы так! Это же серьёзный человек! Я же говорил вам, будьте аккуратнее!

— Заткнитесь, — одновременно сказали Юна и Максим. Переглянулись.

Юна почувствовала, как где-то в глубине души шевельнулось что-то, отдалённо напоминающее иронию. Но ирония быстро сдохла под гнётом реальности. Двести тысяч. Три недели. Пустой желудок.

— Хорошо, — выдохнула она, пытаясь взять себя в руки. — Допустим, я не могу заплатить. И что теперь? Посадите меня в тюрьму за испорченный пиджак?

Максим снова окинул взглядом мастерскую. На этот раз медленнее, внимательнее. Его глаза остановились на большом холсте, стоящем на мольберте у окна — том самом, с которым Юна боролась последние недели. Там, среди хаоса мазков, угадывалось что-то... живое. Эмоция, застывшая в цвете. Он подошёл к холсту, наклонил голову, изучая.

— Это ваши работы? — спросил он, не оборачиваясь.

— Мои, — буркнула Юна, не понимая, к чему он клонит.

— Интересно, — наконец произнёс он. — Очень эмоционально. Вы так видите мир?

— Я так его чувствую, — автоматически ответила Юна и тут же прикусила язык. Не хватало ещё перед этим типом душу наизнанку выворачивать.

Максим повернулся к ней. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на заинтересованность.

— У меня есть предложение, — сказал он. — Забудем про пиджак. И про ваши долги по аренде. Я знаю, вы не платили два месяца.

Юна покраснела. Управляющий, видимо, доложил.

— Я дам вам официальную отсрочку, — продолжил Максим. — Вы остаётесь здесь до того срока, пока здание ещё не тронут. А это, — он посмотрел на управляющего, — примерно три месяца, пока идут согласования. Никакой арендной платы. Взамен вы напишете серию портретов. Моих партнёров по бизнесу. В вашем стиле.

Юна моргнула. Потом ещё раз. Ей показалось, что она ослышалась.

— Чего? — выдохнула она. — Портреты? Ваших партнёров? Да они же... они же... — она задыхнулась от возмущения. — Они же все на одно лицо! В костюмах и с одинаковыми улыбками! Что я там буду писать? Их галстуки?

— Именно поэтому я и пришёл к вам, — Максим ничуть не смутился. — Мне надоело искусство, которое можно заказать в любом салоне за три часа. Хочу чего-то... настоящего. Как ваши работы. У моей компании юбилей — десять лет. Я хочу сделать партнёрам подарки, которые запомнятся. Не лица — души. Как вы умеете.

Юна молчала, переваривая услышанное. Она знала, кто такой Максим Давыдов. Значит, и грант, и «Арт-Холл», и этот человек — всё связано. Её заявка на «Новые голоса» лежала в папке на ноутбуке, и среди спонсоров значилась его сеть галерей. Если она откажется сейчас, можно забыть не только о мастерской, но и о любых шансах когда-либо попасть в эти галереи. А если согласится...

— А если я откажусь? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Тогда вы съезжаете через три недели. Компенсация — как положено по договору. Пиджак... — он посмотрел на рукав, — пиджак я спишу на убытки.

— Четыре портрета, — сказала она внезапно. — Не пять.

— Пять, — спокойно ответил Максим. — Четыре партнёра и мой. Я хочу посмотреть, как вы работаете с тем, кто вам небезразличен.

Юна открыла рот, чтобы возразить, но он поднял руку.

— Подумайте. У вас есть сутки. Завтра в это же время я зайду за ответом.

Он достал из внутреннего кармана пиджака визитку и положил на заваленный верстак, прямо поверх тюбика с охрой. Глянцевая бумага, строгий шрифт, никаких излишеств.

— И, кстати, краска, которой вы меня испачкали... терракот. Хороший выбор. Очень... эмоциональный.

Он развернулся и вышел. Управляющий, бросив на Юну испуганный взгляд, поспешил за ним. Дверь захлопнулась, и звук эхом разнёсся по пустой мастерской.

Юна осталась одна. Смотрела на визитку, лежащую среди тюбиков и тряпок. «Максим Давыдов. Сеть галерей „Арт-Холл“. Телефон, почта, сайт». Подошла к холсту, уставилась на пятна, которые ещё час назад казались мучением. Теперь они выглядели почти дружелюбно. По крайней мере, они не предлагали ей продавать душу за возможность не ночевать под мостом.

Юна взяла визитку, покрутила в пальцах. Три месяца отсрочки. Шанс не потерять мастерскую, пока она готовит грант. И всего-то — нарисовать пять портретов. Один из них — его.

Она зажмурилась и потёрла виски. В мастерской пахло краской и пустым желудком. Где-то в углу урчало — то ли трубы, то ли собственное нутро напоминало о том, что пора бы поесть. Но есть было нечего. Солнце за окном медленно клонилось к закату, окрашивая стены в тёплые тона. Терракотовые, между прочим.

Юна вздохнула и сунула визитку в карман джинсов. Решать всё равно придётся. Но не сейчас. Сначала надо найти, чем перекусить. Может, Лена подбросит чего-нибудь в кафе...

Она накинула куртку и вышла, даже не взглянув на холст. Работа подождёт. А проблемы... проблемы подождать не могут.

ГЛАВА 2. Человек в сером

Утро встретило Юну голодом. Не тем абстрактным, про который пишут в книгах, а конкретным, физическим, когда желудок сворачивается в тугий узел и требует еды так настойчиво, что мысли путаются, а руки начинают дрожать мелкой противной дрожью. Она лежала на раскладушке, смотрела в потолок, где отсыревшая штукатурка пошла пузырями, и перебирала в голове варианты. Залезть в заначку? Пусто. Попросить в долг у Лены? Совестно — подруга и так кормит её обедами в кафе уже вторую неделю. Продать что-нибудь? Нечего — последнюю картину купили два месяца назад, и те деньги давно кончились, ушли на краски и холсты, которые теперь стояли нетронутыми, потому что творческий ступор не отпускал.

Взгляд упал на джинсы, брошенные на стуле. Из кармана торчал уголок визитки. Максим Давыдов. Сеть галерей «Арт-Холл». Три месяца отсрочки. Пять портретов. Юна села, хрустнув шеей — позвонки издали сухой треск, отозвавшийся в затылке тупой болью. В мастерской было холодно: батареи не работали уже вторую неделю, а на улице обещали заморозки. Она натянула старый свитер, который когда-то принадлежал отцу, — шерсть кололась, пахла нафталином и почему-то дымом, хотя в мастерской никто не курил. Поплелась к импровизированной кухне: столу с электрическим чайником и пустой пачкой из-под кофе.

Чайник оказался пуст. Воды тоже не было — она забыла набрать вчера, а сегодня силы тащить тяжёлую пятилитровую бутылку из коридора не осталось. Юна прислонилась лбом к холодному подоконнику, чувствуя, как гладкая краска отдаёт прохладой, и закрыла глаза. В ушах шумело от голода и бессонницы. Тишину мастерской нарушало только тиканье старых часов на верстаке — она нашла их на помойке и приспособила под таймер, и теперь каждый удар маятника отдавался в висках.

— Прекрасно, — буркнула она. — Просто прекрасно.

В дверь постучали. Юна замерла. Если это снова управляющий, она его убьёт. Если это Максим — она не готова. Если это кто-то с едой — расцелует. Сердце заколотилось где-то в горле, и она услышала собственное дыхание — частое, прерывистое.

— Юна, открывай, это я! — голос Лены прозвучал как музыка.

Юна распахнула дверь и едва не зарыдала. Подруга стояла на пороге с двумя контейнерами в руках и термосом. От контейнеров пахло так, что у Юны мгновенно потекли слюни: жареная картошка с луком, свежий хлеб, а из термоса тянуло кофе — крепким, горьким, настоящим. Лена ворвалась в мастерскую, как маленький ураган, — в её движениях чувствовалась привычная энергичность, но глаза смотрели тревожно.

— Ты чего не отвечаешь? — Лена скинула куртку на верстак, не глядя. — Я звонила, звонила! Думала, ты уже того... Ну, ты поняла. Держи.

Она сунула Юне контейнеры, и та принялась есть молча, жадно, забыв про гордость и принципы. Картошка была горячей, маслянистой, с хрустящей корочкой, и каждый кусок казался маленьким спасением. Лена сидела рядом, поджав ноги, смотрела на неё с жалостью и терпением старшей сестры.

— Ну? — наконец спросила она, когда Юна немного утолила первый голод. — Рассказывай.

Юна, жуя, коротко пересказала вчерашнее. Про визит Максима, про испорченный пиджак, про предложение. Лена слушала внимательно, не перебивая, только иногда покачивала головой. Её пальцы нервно теребили край джинсов.

— Три месяца бесплатно? — переспросила она, когда Юна замолчала. — И долг спишут?

— Ага. Пять портретов. Четыре его партнёров и его.

— И ты ещё думаешь?

Юна отложила вилку. Сытая, она чувствовала себя почти человеком, но в голове по-прежнему царил хаос. В мастерской запах жареной картошки смешался с привычным ароматом скипидара, и это сочетание казалось странным, почти невозможным.

— Лен, это же продажа. Я буду рисовать каких-то его партнёров. Бизнесменов. Ты представляешь, что это за люди? У них вместо лиц — кошельки. Они даже не умеют смотреть на картины, они их оценивают.

— А ты представь другое, — Лена подалась вперёд, её голос стал тише, убедительнее. — Ты три месяца спокойно работаешь над своим грантом. Не думаешь о том, где брать деньги на аренду. Не гадаешь, чем кормиться завтра. Доделываешь «Градиент эмоций», подаёшь заявку, получаешь грант, а потом — выставка. Настоящая. В галерее, где висят работы, которые ты показывала мне в журналах.

Юна молчала. Лена умела говорить убедительно, и в её словах была та простота, которая часто оказывалась правдой.

— А эти портреты, — продолжила подруга, — ну нарисуешь ты их. Пять штук. Подумаешь, биомасса в костюмах. Относись к этому как к тренингу. Как к возможности поэкспериментировать. В конце концов, он же не требует, чтобы они были красивыми. Он хочет эмоции.

— Легко тебе говорить, — вздохнула Юна. — Не твою совесть продавать.

— Совесть тут ни при чём, — отрезала Лена. — Совесть — это когда ты людей обманываешь или предаёшь. А тут — честная сделка. Ты — работу, он — крышу над головой. Всё по-честному.

Юна посмотрела на пустой контейнер, на остатки масла на дне. Гречка с котлетой сделали своё дело — мозг начал работать яснее, и страх немного отступил.

— Ладно, — сказала она. — Я сегодня схожу в его галерею. Посмотрю на него. Не на картины — я их и так знаю. На него. Пойму, можно ли ему верить.

— Правильно, — кивнула Лена. — Разведка перед боем.

* * *

Час спустя Юна стояла перед стеклянной витриной галереи в центре города. «Арт-Холл» занимал первый этаж старинного особняка, отреставрированного с любовью и деньгами. Фасад украшали лепные детали, которые сохранились ещё с дореволюционных времён, а огромные окна пропускали внутрь столько света, что витрины казались подсвеченными изнутри. Внутри горел мягкий, тёплый свет, и сквозь стекло были видны картины — большие, яркие, дорогие.

Она бывала здесь раньше. Год назад, когда только узнала о гранте, пришла посмотреть, что вообще выставляют в галереях, которые его спонсируют. Тогда она простояла здесь полдня, разглядывая работы, впитывая, учась. Теперь она шла не за этим. Ей нужно было понять, какой он, этот Максим Давыдов, — человек, который мог решить её судьбу одним словом.

Юна толкнула тяжёлую стеклянную дверь и шагнула внутрь. В лицо пахнуло теплом и тем особым воздухом, который бывает только в выставочных залах — чуть сухим, чуть пыльным, но чистым, как в операционной. Пол блестел, стены отливали белизной, и каждый шаг отдавался тихим эхом. Внутри было пусто. Только девушка-администратор за стойкой что-то печатала на компьютере. Увидев Юну, она улыбнулась — профессионально, вежливо.

— Здравствуйте. Вы к кому?

— Я... — Юна запнулась. — Мне нужен Максим Давыдов. Он здесь?

— Максим Сергеевич обычно появляется после обеда. Вы по записи?

— Нет. Я... он сказал заходить.

Администратор засомневалась, но Юна уже заметила в глубине галереи знакомую фигуру. Максим стоял у дальней стены, спиной к ней, и что-то рассматривал. Его силуэт выделялся на фоне белой стены — прямая спина, чуть наклонённая голова. Она пошла вперёд, оставляя за спиной растерянную девушку.

Максим услышал шаги, обернулся. Без пиджака, в белой рубашке с закатанными рукавами, он выглядел почти домашним. На рукаве не было никакого пятна — видимо, пиджак он всё-таки снял и спрятал подальше. Он смотрел прямо на неё, и на его губах играла лёгкая, почти незаметная улыбка. В свете софитов его лицо казалось вылепленным из воска — гладким, безупречным, но в глазах теплилось что-то живое.

— Решили принять предложение? — спросил он, не повышая голоса.

Юна отступила на шаг, чувствуя себя нашкодившей школьницей.

— Я... я просто пришла посмотреть.

— На что? — уточнил он.

— На вас, — честно ответила она. — Я знаю ваши галереи. Я была здесь раньше. Картины я видела. А вас — нет. Хочу понять, кому собираюсь продавать свои кисти.

Максим чуть приподнял бровь. Это движение выглядело почти театральным.

— Продавать кисти? Звучит драматично.

— Я художница. Мы драматичные.

Он усмехнулся, посторонился, пропуская её в глубь галереи.

— Что ж, смотрите. Я не кусаюсь. Правда.

Юна прошла вперёд, но смотрела не на картины — на него. Он шёл рядом, не мешая, не отвлекая, но его присутствие чувствовалось кожей. Она заметила, как он останавливается у некоторых работ, как задерживает взгляд, как чуть заметно кивает, словно соглашаясь с чем-то. Его пальцы касались края рам, но не оставляли следов.

— Вы давно здесь бывали? — спросил он, когда они дошли до конца зала.

— Год назад. Я тогда только начала готовиться к гранту. Хотела понять, что здесь вообще выставляют.

— И поняли?

— Да. Что вы не берёте халтуру.

Он повернулся к ней. В его глазах мелькнуло что-то тёплое — неожиданное для такого холодного лица.

— Это комплимент?

— Это факт.

Они стояли друг напротив друга, и Юна вдруг осознала, что ей здесь спокойно. Странно, неуютно, но спокойно. В галерее пахло краской и деревом, и этот запах напоминал ей мастерскую, но был чище, стерильнее.

— Моя мать была художницей, — сказал Максим после паузы. — Самоучкой. Она рисовала всё, что видела, и ничего не приукрашивала. Люди говорили, что её портреты — как зеркала. В них видно то, что прячешь.

Юна молчала. Она слушала его голос — ровный, без надрыва, но в нём чувствовалась глубина, как в старом колодце.

— Она умерла, когда мне было двенадцать. Отец запер её мастерскую и велел забыть. Я забыл. Но когда увидел ваши работы на той выставке в «Прожекторе»...

— Вы видели мои работы? — перебила Юна.

— Да. Три картины. «Тишина», «Граница», «Точка опоры». Я тогда запомнил имя. А когда управляющий сказал, что в здании, которое идёт под снос, живёт художница по фамилии Вьюжина, я понял, что это судьба.

Юна смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Этот холодный, недостижимый человек только что признался, что искал её. Не из-за долгов, не из-за пиджака, а потому что увидел в её работах то, что давно потерял. Внутри неё поднималось что-то тёплое, противоречивое — смесь злости на его вторжение и странной, незнакомой благодарности.

— Поэтому я хочу, чтобы вы написали портреты, — закончил Максим. — Не для бизнеса. Для себя. Чтобы понять, что я не разучился чувствовать.

— А партнёры? — спросила Юна тихо.

— Партнёры получают подарки. Это их не испортит.

Она смотрела на него долго, вглядываясь в его лицо, ища подвоха. Но подвоха не было. Только усталость и что-то ещё, чему она не решалась дать название.

— Я согласна, — сказала она наконец. — Но с одним условием.

— С каким?

— Грант остаётся моим главным делом. Портреты — параллельно. Я не брошу эскизы ради ваших партнёров.

Максим улыбнулся — впервые по-настоящему, открыто.

— Договорились. Завтра в десять я приведу первого «экспоната». Будьте готовы.

Он протянул руку. Юна машинально пожала её — ладонь у него оказалась тёплой, сухой, вопреки ожиданиям. Пожатие было крепким, но не грубым.

— Значит, договорились? — спросил он.

— Договорились, — выдохнула она.

* * *

В мастерскую она вернулась ближе к вечеру. Скинула куртку, подошла к мольберту, где стоял большой холст с «Тревогой». Жёлтый проблеск на тёмно-синем фоне светился в лучах заката, проходящих сквозь мутное стекло. Она долго смотрела на него, на свои пальцы, испачканные в охре, и думала о том, что только что согласилась на сделку с человеком, которого ещё вчера считала врагом.

— Кажется, я согласилась, — сказала она холсту. — Надеюсь, я не ошиблась.

Холст молчал, но в его молчании не было осуждения. Только ожидание. Где-то в углу мастерской тикали часы, отмеряя время до завтрашнего дня.

ГЛАВА 3. Первый сеанс

Ночь прошла без сна. Юна ворочалась на раскладушке, смотрела, как лунный свет пробивается сквозь мутное окно, рисует на потолке причудливые узоры. Старые пружины жалобно скрипели при каждом движении, и этот звук казался ей насмешкой над её тревогой. В голове крутилось одно и то же: пять портретов, три месяца отсрочки, грант, который не ждёт. И человек, который сказал, что искал её. Она закрывала глаза, и перед ними вставало его лицо в полумраке галереи — спокойное, уверенное, с той странной улыбкой, которую она не могла расшифровать.

К утру она провалилась в тяжёлую дремоту, а проснулась от того, что кто-то настойчиво стучал в дверь. Сердце подпрыгнуло к горлу, потом ухнуло вниз, оставив после себя холодок в животе. Она накинула свитер, сунула ноги в стоптанные кеды, поплелась открывать. На пороге стоял Максим. В тёмно-синем свитере, без пиджака, с пакетом в руке. Рядом с ним переминался с ноги на ногу мужчина лет пятидесяти в дорогом пальто, с таким выражением лица, будто его привели на заклание. Пальто было тёмно-серым, почти чёрным, и пахло от него дорогой кожей и табаком.

— Юна, знакомьтесь, — Максим кивнул на спутника. — Александр Борисович, мой партнёр. Ваш первый герой.

Юна отступила, пропуская их внутрь. Мужчина вошёл, огляделся. Его взгляд скользнул по заваленному верстаку, по холстам, прислонённым к стенам, по пятнам краски на полу. Нос наморщился — то ли от запаха скипидара, то ли от вида творческого хаоса. Он шёл медленно, будто боялся испачкаться.

— Садитесь вон туда, — Юна указала на табуретку напротив мольберта.

Александр Борисович посмотрел на табуретку так, будто ему предложили сесть на гвозди.

— Здесь? Но это же... это же неудобно.

— Искусство требует жертв, — отрезала Юна. — Садитесь.

Максим хмыкнул, отошёл к окну, устроился на подоконнике. Из пакета достал термос, налил кофе в крышку, отхлебнул. Сделал вид, что его здесь нет. Но Юна чувствовала его взгляд — лёгкий, изучающий, как у человека, который смотрит не столько на процесс, сколько на реакцию.

Александр Борисович опустился на табуретку. Спина выпрямилась, плечи расправились, лицо приняло то самое официальное выражение, которое Юна видела на сотнях фотографий в деловых журналах. Он положил руки на колени — аккуратно, пальцы сцеплены в замок. Часы на запястье блеснули в луче света.

— Так, — сказала она, беря уголь. — Расскажите о себе.

— Что именно? — голос сухой, официальный, как отчёт.

— Чем живёте? Что любите? Чего боитесь?

Мужчина уставился на неё с недоумением.

— В смысле — чего боюсь? Я бизнесмен. Я ничего не боюсь.

Юна не ответила. Начала делать наброски — быстрые, лёгкие линии. Уголь скользил по бумаге, оставляя серые следы, шуршал, и этот звук успокаивал. Она не смотрела на лицо — смотрела на плечи, на руки, на то, как сидит. В его позе чувствовалась выученная прямота, но пальцы, сложенные на коленях, чуть заметно подрагивали.

— Все чего-то боятся, — сказала она через минуту. — Пауков, высоты, старости. Или потерять контроль.

Александр Борисович молчал. Юна продолжала рисовать. На бумаге проступали общие черты: широкие плечи, массивная шея, квадратный подбородок. Но лицо оставалось пустым — она пока не знала, что в него вложить.

— Вы рисуете моё лицо? — спросил он после паузы.

— Нет. Я рисую то, что вижу. Лицо — это просто форма. Мне важно другое.

— Что же?

— Не знаю пока. Сами расскажете.

Максим с подоконника хмыкнул, но ничего не сказал. Отпил кофе, поставил крышку на подоконник, скрестил руки на груди. Солнце за его спиной подсвечивало силуэт, делая его почти нереальным.

Александр Борисович помолчал. Потом вдруг спросил:

— А вы чего боитесь?

Юна подняла глаза. Вопрос застал врасплох.

— Чего?

— Вы. Художница, которая рисует чужие страхи. Наверное, у вас самой они есть.

Юна замерла с уголь в руке. В мастерской повисла тишина, слышно было только, как за окном чирикают воробьи.

— Голода, — сказала она тихо. — И того, что мои картины никому не нужны.

Александр Борисович смотрел на неё долго, изучающе. Потом кивнул, будто что-то решил.

— Я в детстве в лифте застрял, — сказал он. — На всю ночь. Маленький был, один. С тех пор... ну, не люблю тёмные помещения. Глупость, конечно.

— Не глупость, — Юна снова взяла уголь. — Страх не бывает глупым.

Она рисовала теперь иначе. Линии ложились глубже, увереннее. Она видела не надменного бизнесмена, а того испуганного мальчика, который до сих пор жил где-то внутри этого взрослого, уверенного в себе мужчины. Уголь заскрипел по бумаге, вырисовывая складки у глаз, которые выдавали возраст, и тени под ними, которые выдавали усталость.

Через час она отложила уголь, отступила на шаг. Рука устала, пальцы онемели.

— Готово.

Александр Борисович подошёл к мольберту и замер. На листе уголь проступало лицо — его лицо. Но глаза на рисунке смотрели иначе: в них читалась та самая детская уязвимость, о которой он только что рассказал. Не страх — скорее удивление от того, что кто-то его заметил.

— Это... я? — спросил он растерянно.

— Это вы, — Юна вытирала руки ветошью. — Настоящий.

Мужчина долго молчал, разглядывая рисунок. Потом перевёл взгляд на Юну. В этом взгляде не было прежнего высокомерия — только тихое изумление.

— Интересно, — сказал он наконец. — Очень интересно. Максим, я, кажется, начинаю понимать, что ты в ней нашёл.

Максим подошёл, посмотрел на рисунок. Кивнул.

— Я же говорил. Она видит то, что другие прячут.

Александр Борисович надел пальто, взял портфель. У двери обернулся.

— Вы правда боитесь голода? — спросил он.

Юна не ответила.

— Не бойтесь, — сказал он. — С таким талантом голодной не останетесь.

Дверь закрылась. Юна рухнула на раскладушку, чувствуя себя выжатой как лимон. Руки дрожали, в голове шумело, но где-то глубоко внутри разгоралось странное тепло — не от похвалы, а от того, что она смогла. Смогла увидеть, смогла нарисовать, смогла не отступить.

— Вы голодная, — сказал Максим.

Она подняла глаза. Он стоял у верстака, выкладывал из пакета контейнеры. Салат, суп, хлеб, яблоко. И термос с кофе. Всё аккуратно разложено, словно он готовил этот обед специально для неё.

— Я заметил вчера, как вы смотрели на еду в кафе через дорогу. Держите.

Юна смотрела на эту еду и не знала, что сказать. Спасибо? Не за что? Зачем вы это делаете? В горле стоял ком, и она боялась, что если откроет рот, то разревётся.

— Не надо благодарности, — опередил он. — Это не в счёт. Просто... художники должны есть. Моя мать часто забывала поесть, когда работала. Я привык напоминать.

Он развернулся и вышел, даже не дав ей ответить. Дверь закрылась, и Юна осталась одна. Она прислонилась спиной к двери, медленно сползла на пол. В одной руке она сжимала пакет с едой, в другой — уголёк, которым рисовала всего час назад.

— Чёрт, — прошептала она. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Потому что внутри неё что-то происходило. Что-то, чему не было названия, но что пугало её сильнее, чем перспектива остаться без мастерской. Этот человек в сером костюме, с его холодными глазами и тёплыми ладонями, с его историями о матери и пакетами с едой, начинал ей нравиться. А это было совсем не по плану.

ГЛАВА 4. Пустота внутри

Следующие три дня превратились для Юны в бесконечный круговорот угля, красок и нервов. Александр Борисович оказался только первым. На второй день Максим привёл Виктора Павловича — мужчину лет сорока, с гладко выбритым черепом, цепкими глазами и тонкими губами, сложенными в линию, которая не выражала ровным счётом ничего. Он двигался бесшумно, как тень, и каждый его жест был выверен до миллиметра.

Он вошёл в мастерскую так, будто переступал порог операционной: быстро, деловито, не касаясь ничего лишнего. Пальто снял сам, повесил на гвоздь у двери, поправил манжеты. На табуретку сел ровно, спину выпрямил, руки положил на колени. Взгляд упёр в стену за Юниной спиной, и в этом взгляде не было ни ожидания, ни любопытства — только пустота.

— Начинать, — сказал он голосом, в котором не было ни вопросительной, ни восклицательной интонации. Просто констатация факта.

Юна взяла уголь, но не спешила начинать. Смотрела на его лицо, на руки, на плечи. Всё в нём было правильным и мёртвым. Как мебель из каталога: функционально, безлико, без единой зацепки для глаза. Даже запах от него был нейтральным — ни парфюма, ни табака, только чистота свежестыранной рубашки.

— Расскажите о себе, — сказала она, как в прошлый раз.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы я понимала, что рисую.

— Вы рисуете портрет. Моё лицо.

— Я рисую то, что вижу. Если вы ничего не покажете, я нарисую пустоту.

Он чуть приподнял бровь. Единственное движение за всё время.

— Пустоту?

— Да. Она у вас внутри. Я её чувствую.

Виктор Павлович молчал. Юна начала рисовать. Уголь скользил по бумаге, вырисовывая чёткие линии скул, прямой нос, гладкий лоб. Но чем дольше она работала, тем яснее понимала: внутри этого человека действительно ничего нет. Не страх, не боль, не надежда — только ровная, стерильная пустота, как в больничной палате после дезинфекции. Её уголь не встречал сопротивления, не находил зацепок — линии ложились ровно, но не жили.

Она попробовала зацепиться за что-нибудь. Спросила о семье — ответил, что разведён, детей нет. Спросила о хобби — ответил, что работа. Спросила, чего боится — пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Наверное, ничего.

Юна рисовала и слушала тишину, которая разрасталась в мастерской, заполняла углы, оседала на холстах, на верстаке, на старом пледе, брошенном на раскладушке. Максим сидел на подоконнике, не вмешивался, только изредка поскрипывал половицей, когда менял позу. Но даже этот звук тонул в пустоте, которую излучал Виктор Павлович.

Когда сеанс закончился, Юна отложила уголь, отступила на шаг. На лице проступило лицо — идеально правильное, гладкое, безупречное. И абсолютно пустое. Как консервная банка, которую открываешь в надежде найти хоть что-то, а внутри — только запах жести. Она смотрела на этот рисунок и чувствовала странную тяжесть в груди — не разочарование, а скорее усталость от того, что не смогла пробить эту стену.

Виктор Павлович подошёл, посмотрел на рисунок. Долго стоял, не двигаясь. Потом повернулся к Юне.

— Вы считаете, я пустой, — сказал он. Не вопрос, не утверждение. Просто слова.

— Я считаю, что вы выбрали быть пустым, — ответила она. — Это разные вещи.

Он кивнул. Один раз, коротко. Надел пальто, поправил манжеты, вышел. Дверь закрылась за ним с тихим, почти бесшумным щелчком.

Максим спрыгнул с подоконника, подошёл к мольберту. Долго смотрел на рисунок.

— Он всегда такой? — спросила Юна, не глядя на него.

— Да. Я с ним десять лет работаю, ни разу не видел, чтобы он улыбнулся.

— Зачем вы его привели? Он не раскроется.

— Затем, что он тоже человек, — Максим помолчал. — Может, хоть вы его растормошите.

Юна покачала головой, взялась мыть кисти. Вода в банке давно стала мутной, пахла скипидаром и усталостью. Она вылила её, налила свежую, поставила на подоконник. За стеклом моросил дождь, такой же серый, как настроение после этого сеанса. Капли стекали по стеклу, оставляя мутные дорожки.

Максим молча выложил на верстак контейнеры с едой. Сегодня была рыба, запечённая с овощами, и горячий бульон в термосе. Пар поднимался над едой, смешиваясь с запахом краски. Юна смотрела на эту еду и чувствовала, как внутри закипает что-то тёплое, не имеющее отношения к пище.

— Вы не обязаны меня кормить, — сказала она.

— Знаю, — ответил он. — Но вы не едите, когда работаете. Я заметил.

— Вы много замечаете.

— Я привык. Моя мать тоже забывала.

Юна взяла ложку, попробовала бульон. Горячий, наваристый, с зеленью. Домашний. Такой не покупают в магазине. Она закрыла глаза на секунду, чувствуя, как тепло разливается по телу.

— Вы сами готовите? — спросила она.

— Нет. У меня есть домработница, она знает, что я привожу еду художнице.

— И что она думает?

Максим усмехнулся.

— Думает, что я наконец-то нашёл ту, ради которой стоит заморачиваться.

Юна поперхнулась бульоном. Максим протянул салфетку, но ничего не добавил. Просто сидел рядом, пил свой кофе из термоса, смотрел в окно, где дождь барабанил по крыше соседнего сарая.

Вечером, когда Максим уехал, Юна долго сидела у верстака, перебирая кисти. Руки гудели, глаза слипались, но спать не хотелось. Она подошла к холсту с «Тревогой», посмотрела на жёлтый проблеск, который никак не могла довести до ума. Вчера ей казалось, что она знает, как его закончить. Сегодня — нет. Мысли путались, перед глазами стояло лицо Виктора Павловича — правильное, гладкое, пустое. И голос: «Вы считаете, я пустой».

Она взяла тряпку, вытерла краску с пальцев, закрыла ноутбук. Ноутбук — единственное, что у неё осталось от нормальной жизни. В нём были все эскизы, все наброски, все идеи. Концепция гранта, цветовые схемы, композиционные решения. Месяцы работы, слёзы, бессонные ночи, надежда. Всё там.

Юна легла на раскладушку, натянула плед до подбородка. Дождь за окном усилился, барабанил по железу крыши, стекал по стёклам мутными ручьями. В мастерской было холодно, сыро, и где-то в углу, кажется, завелась мышь — шуршала, шуршала, никак не унималась. Этот звук смешивался с каплями дождя, создавая монотонный, усыпляющий ритм.

Она закрыла глаза, пытаясь представить, как будет выглядеть «Надежда». Вертикали, свет, пробивающийся сквозь тьму. Но вместо этого перед глазами вставало лицо Виктора Павловича — правильное, гладкое, пустое. И его голос: «Вы считаете, я пустой». А следом — лицо Максима, его улыбка, его пальцы, сжимающие крышку термоса.

— Пустой, — прошептала Юна в темноту. — Но ты хотя бы знаешь, что пустой. А я? Что во мне?

Мышь замолчала. Дождь продолжал стучать. Юна провалилась в тяжёлый сон без сновидений, а проснулась от того, что кто-то настойчиво тряс её за плечо.

— Юна! Юна, вставай! — голос Лены, испуганный, срывающийся.

Юна села, не понимая, где находится. В мастерской было светло — слишком светло для раннего утра. Значит, она проспала. Лена стояла над ней, бледная, с круглыми глазами, её руки дрожали.

— Что? — спросила Юна. — Что случилось?

— Твоя дверь была открыта, — сказала Лена. — Я пришла, а она открыта. И... Юна, твоего ноутбука нет.

Юна не поняла. Посмотрела на верстак — пусто. Ноутбук, который всегда лежал на том месте, где она его оставляла, исчез. Исчез вместе с зарядкой, с мышкой, с флешкой, на которой хранились копии эскизов. На столе остались только грязные кружки и тюбики краски.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет, нет.

Она вскочила, подбежала к верстаку. Перерыла всё — тюбики, кисти, тряпки, старые журналы. Ноутбука не было. Заглянула под верстак, под раскладушку, в шкаф. Пусто. Голова шла кругом, сердце колотилось где-то в горле.

— Я вызову полицию, — сказала Лена, доставая телефон.

— Какую полицию? — голос Юны звучал глухо, будто издалека. — Они ничего не найдут. Это же не квартира, здесь замка нормального нет. Вор зашёл, взял и ушёл.

— Но ты же должна...

— Должна что? — Юна обернулась. Глаза горели, но не от злости — от отчаяния. — Там всё, Лена. Все эскизы. Все наброски. Концепция. Цвета. Всё, что я делала полгода. Всё.

Лена опустила телефон. Подошла, обняла. От подруги пахло кофе и утренней свежестью — она только что пришла с работы.

— А резервные копии? — спросила она тихо. — Ты же делала резервные копии, внешний диск, облако?

— Нет, — голос Юны дрогнул. — Я не делала. У меня не было денег на внешний диск, а у ноута вайфай не рабочий. И я думала... я думала, что со мной такого не случится. Дура. Какая же я дура.

Она села на пол, прислонилась к ножке верстака. Лена села рядом. Так они и сидели — молча, глядя на пустой стол, где ещё вчера лежало всё её будущее. В мастерской было тихо, только часы тикали на верстаке, отмеряя время, которого у неё почти не осталось.

— Что теперь будет? — спросила Лена через минуту.

— Ничего, — Юна закрыла глаза. — Дедлайн через две недели. У меня нет ни одного эскиза. Я не успею. Всё кончено.

Лена хотела что-то сказать, но Юна покачала головой.

— Уйди, пожалуйста. Я хочу побыть одна.

Лена ушла. Дверь закрылась. Юна осталась одна в мастерской, которая вдруг стала чужой, холодной, пустой. Как портрет Виктора Павловича.

ГЛАВА 5. Точка невозврата

День, следующий за кражей, Юна провела в оцепенении. Она не ела, не пила, не выходила из мастерской. Сидела на раскладушке, поджав ноги, и смотрела в одну точку — туда, где ещё вчера лежал ноутбук. Пустое место на верстаке казалось раной. Открытой, кровотокающей. Свет за окном менялся: сначала серый рассвет, потом мутное утро, затем тусклый день без солнца. Она не замечала смены времени, только то, как тени ползут по стенам, удлиняясь к вечеру.

Мысли ворочались медленно, тяжело, как камни на дне реки. Дедлайн через тринадцать дней. Восстановить эскизы? Она даже не помнила точно, какие оттенки использовала в «Надежде». Какие линии преобладали в «Гневе». Как располагались золотые точки в «Свободе». Месяцы работы, сотни часов, тысячи мазков — всё это исчезло вместе с ноутбуком, который она купила на последние деньги два года назад. Она помнила, как выбирала его — самый дешёвый, б/у, с царапиной на крышке. Продавец в ломбарде сказал: «Для работы хватит». И хватило. До вчерашнего дня.

Она не сделала резервных копий. Не потому, что не думала — потому что не на что было. Внешний диск стоил как две недели еды. А еда тогда была важнее. Она сидела, обхватив колени, и чувствовала, как внутри пульсирует пустота, как она разрастается, заполняя грудь, живот, голову. Иногда ей казалось, что она растворяется в этой пустоте, становится такой же невидимой, как её эскизы.

— Дура, — прошептала она в пустоту. — Какая же я дура.

За окном светало, потом темнело, потом снова светало. Юна не замечала смены дня и ночи. Телефон разрывался от звонков — Лена, потом Максим, потом снова Лена. Она не отвечала. Смысла не было. Что она могла сказать? Что всё кончено? Что грант, ради которого она полгода голодала, не спала, не видела ни друзей, ни нормальной жизни, теперь просто дым? Что её мечта доказать матери — не зря ушла, не зря терпела, не зря верила — сгорела вместе с эскизами? Где-то в глубине сознания билась мысль: а может, так и надо? Может, мать была права, и она действительно никчёмная художница, которая не умеет даже сохранить свои работы.

Телефон пиликнул в сотый раз. Сообщение от Лены: «Юна, открой. Я волнуюсь. Если ты не откроешь, я вызову полицию и спасателей. Или приеду с монтировкой. Выбирай». Юна прочитала, отложила телефон. Не ответила. Но через час, когда за окном начало смеркаться, она услышала шаги в коридоре — тяжёлые, быстрые. Кто-то поднимался по лестнице, и каждый шаг отдавался эхом в пустом здании. Потом звук приблизился к её двери. Короткий, резкий стук — не как в прошлый раз, громко и требовательно, а с паузами. Так стучатся, когда боятся, что внутри никого нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.